

Е. В. Беляева

Белорусский государственный университет, Минск

E. V. Belyaeva

Belarusian State University, Minsk

УДК 17.026

О СПЕЦИФИКЕ МОРАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ И ЕГО КАТЕГОРИАЛЬНОМ СТАТУСЕ В ЭТИКЕ

ABOUT THE SPECIFIC OF MORAL TRUST AND ITS CATEGORICAL STATUS IN ETHICS

Статья посвящена исследованию специфики морального доверия, а также особенностям этического подхода к категории доверия, в отличие от социологических и психологических ее трактовок. Исторические особенности морального доверия в традиционной, современной и современной системах нравственности определяются характеристиками морального субъекта. Моральное доверие как этическая категория фиксирует аксиологический феномен уважения к нравственным качествам другого человека, к его моральной субъектности, к осуществимости моральной регуляции и не предполагает договора о взаимности.

Ключевые слова: доверие; моральное доверие; моральный субъект; категории этики; традиционная нравственность; нравственность модерна.

The article is devoted to the study of the specifics of moral trust, as well as the features of the ethical approach to the category of trust in contrast to its sociological and psychological interpretations. The historical characteristics of moral trust in traditional, modern and contemporary systems of morality are determined by the characteristics of the moral subject. Moral trust as an ethical category fixes the axiological phenomenon of respect for the moral qualities of another person, for his moral subjectivity, for the feasibility of moral regulation and does not imply a reciprocity agreement.

Keywords: trust; moral trust; moral subject; ethics categories; traditional morality; morality of modernity.

В научной литературе XXI в. доверие стало активно изучаться в контексте различных гуманитарных дисциплин, приобретая в каждой из них категориальный статус в соответствии с задачами данной области знания. Наиболее значительные исследования данного феномена принадлежат Н. Луману [1], А. Селигмену [2], Ф. Фукуяме [3], П. Штомпке [4]. Экономисты и политологи рассматривают доверие как ресурс для достижения целей, социологи и психологи исследуют механизмы функционирования доверия в современных обществах и у конкретных людей [5, с. 30–31].

Причина внимания к данному феномену коренится в общих характеристиках современного мира, который характеризуется как глобальный и рискованный одновременно. «Доверие есть способ сосуществования с неустранимой неопределенностью» (З. Бауман) [6, с. 226], «доверие и недоверие – это способы справиться с неясным будущим» (П. Штомпка) [4, с. 325], оно связано с риском и случайностью современного мира (Э. Гидденс) [7, с. 150]. «Потребность в долгосрочных, стабильных и обладающих всеобщим признанием структурах

доверия коренится в фундаментальном индетерминизме социального взаимодействия» (А. Селигмен) [2, с. 8].

По этим авторитетным свидетельствам доверие является ответом на изменившееся положение человека в современном мире, выступает формой его «онтологической безопасности» (Э. Гидденс) и в целом рассматривается как свойство сложной социальной системы, необходимое для обеспечения ее устойчивости и саморазвития. Проработка проблемы достигла такой глубины, что стали возможны междисциплинарные исследования проблемы доверия, в которых, однако, этическая составляющая остается во многом периферийной. Поэтому определение специфики морального доверия и прояснение его категориального статуса в этике заслуживает самостоятельного рассмотрения.

В докладе «Доверие в моральном пространстве», сделанном в 2017 г. [5], П. Штомпка рассматривает социальные измерения морального пространства, то есть трактует мораль исключительно как социальное явление и предмет социологии. В этике же мораль предстает как духовное явление, которое не редуцируется к социальной регуляции как целостный приоритетный предмет анализа, в структуре которого доверие обретает специфические черты и категория морального доверия может обрести особый статус.

Вопрос состоит в том, стоит ли в рамках этических исследований рассматривать доверие как нравственную ценность или нравственную норму, как тип нравственного отношения, как добродетель (качество личности), как нравственный идеал, к которому нужно стремиться? Либо же доверие не имеет в этике категориального статуса и является не более, чем общеупотребительным гуманитарным термином? Целесообразно ли говорить о «моральном доверии» как чем-то специфическом по сравнению с другими видами доверия, либо следует рассуждать о «доверии в морали» и таким образом переносить в этику общие характеристики феномена доверия? В последнем случае самостоятельной этической категорией оно не является, так как выступает аспектом других нравственных явлений. Как считает Т. И. Пороховская: «тема доверия – это особый ракурс рассмотрения многих уже известных проблем, таких, как солидарность, справедливость, взаимность, легитимация и др., – рассмотрение их с точки зрения индивида» [8, с. 62]. В. Ю. Перов, назвав статью «Проблемы морального доверия», в сущности, точно так же переносит в область этики достижения социологии: «моральное доверие (доверие в этическом значении) – отношение, способствующее обеспечению устойчивых совместных (солидарных) взаимодействий, осуществляемое посредством возложения (передачи) полномочий по осуществлению значимых функций на других» [9, с. 155]. Автор не поясняет, какие именно моральные полномочия могут быть переданы другим людям, тем более что наиболее значимое из них – это сама способность быть моральным субъектом, и она в принципе не может быть возложена на другого.

Для того, чтобы доверие могло обрести статус этической категории, необходимо охарактеризовать специфику феномена морального доверия, понять, какую собственно этическую проблематику оно центрирует.

П. Штомпка указывает, что «существует шесть моральных связей, которые составляют основу морального пространства (лояльность, взаимность, солидарность, уважение, справедливость и доверие)» [5, с. 37], т. е. рассматривает доверие как самостоятельную нравственную ценность, а не средство для достижения стабильности, консолидации и пр., хотя его содержание пересекается

со всеми перечисленными понятиями. Иногда создается впечатление, что данные параметры «морального пространства» весьма схожи и их перечисление является умножением сущностей сверх меры, подлежащим бритве Оккама. Однако в гуманитарной области популярным является как раз множественность терминов, обозначающих разные аспекты одного явления, флуктуация тематики из одной предметной области в другую. Если понятия отражают сущности, то их действительно умножать не следует, но если речь идет о феноменах, то их специфические проявления не должны сводиться к единообразию и, соответственно, их именованию следует разнообразить. Поэтому сопоставление доверия с другими сходными явлениями, выявление специфики морального доверия по сравнению с доверием в других контекстах, представляется важным.

Во-первых, моральное доверие проявляется как фундаментальное отношение к Другому как к хорошему человеку «с глубокой уверенностью в том, что большинство людей разделяют общечеловеческие ценности и потому достойны доверия» [9, с. 170]. Еще в советском «Словаре по этике» давалось общее определение доверия как «отношения к действиям другого лица и к нему самому, которое основывается на убежденности в его правоте, верности, добросовестности, честности, искренности» [10, с. 79]. Как полагает П. Штомпка, доверие проявляется «как ожидание добродетельного поведения со стороны других по отношению к нам» [5, с. 37]. Кроме того оно функционирует именно как нравственный феномен: доверие – «это механизм, способствующий организации коллективной жизни при отсутствии внешних источников управления и принуждения, таких как государство и закон», – отмечает С. С. Шушпанов [11, с. 9]. Подобная установка предполагает не только веру в добрую природу людей, но и общую веру в мораль как особую реальность человеческих отношений. И наоборот: отсутствие доверия и сознательный отказ от него – это косвенное поощрение безнравственности. Доверие к людям начинается с доверия к морали, а потому получает положительную моральную оценку и может рассматриваться как нравственная добродетель в противовес недоверчивости как подозрительности не только к конкретным людям, но и к морали в целом.

Во-вторых, моральное доверие – это аксиологический, а не гносеологический феномен, он проявляется не в познавательной деятельности, а в нравственных поступках. Поэтому целесообразно соотносить его не с верой и уверенностью (как, например, в словаре Брокгауза и Евфрона [12, с. 455]), а с верностью, справедливостью, солидарностью. В отличие от истинности знания как предмета доверия в познавательном процессе, предметом морального доверия выступает неразглашение доверенных сведений, выполнение обещаний, возможность для слабого довериться чести сильного. Соответственно, разрушение доверия переживается не как сомнение, скепсис, критический взгляд на вещи, а как предательство.

В-третьих, моральное доверие надо отличать от договорных форм взаимодействия и социального обмена, к которым сводят доверие многие экономисты и социологи (например, Н. Луман). Для этики ближе позиция А. Селигмена, по мнению которого доверие должно выходить за рамки ролевых ожиданий и социальных предписаний. Несмотря на то, что существование моральных правил предполагает взаимность в отношениях, доверие дает аванс доброжелательности, не проверяя нравственные отношения на реципрокность. Начиная с «золотого правила нравственности», мораль реализуется как активность субъекта, который сам, первый, без изначального расчета на ответную доброту, утверж-

дает в своем поведении нормы правильной жизни, и, в частности, доверие. Оно существует как самоцель, не выступая средством для чего-то другого. Оно есть характеристика морального мира, свидетельствующая о проявлении моральной субъектности личности.

В-четвертых, большинство авторов после Н. Лумана различают межличностное доверие и доверие к работе определенных социальных институтов и систем. Для этики это означает, что моральное доверие касается не только индивидуальных, но и коллективных субъектов морали, затрагивает не только личную, но и общественную нравственность. Однако моральное доверие к социальным институтам тоже отличается от общей уверенности граждан в их успешном функционировании. Оно подразумевает нравственное одобрение их сущности, социальной миссии, ощущение того, что в функционировании государства, церкви, армии, полиции, школы воплощены определенные моральные ценности.

В-пятых, доверие в психологическом смысле может быть как благом, так и злом, быть проявлением нравственной уверенности или нравственной слабости (так доверчивость к злему человеку суть наивность и глупость). Точно так же и в социальных отношениях доверие имеет свои границы полезности. Феномен же морального доверия по определению выступает как нечто хорошее, доброе, нравственное. Моральное доверие в этике рассматривается как одобряемое, должное и ответственно реализуемое отношение.

Потому можно сказать, что моральное доверие не тождественно доверию ни в гносеологическом, ни в социологическом, ни в психологическом смысле, а является самостоятельным феноменом. При этом его содержание отличается в зависимости от того, с субъектом какой исторической системы нравственности мы имеем дело. В рамках данного исследования история нравственности может быть условно разделена на традиционную нравственность, нравственность модерна и современную нравственность (*traditional morality, morality of modernity, contemporary morality*).

Доверие в традиционной нравственности (*traditional morality*) основано на разделении «своих» и «чужих», при котором речам и поступкам «своих» доверяют безусловно, без рационального анализа и при отсутствии поведенческого подкрепления. В то время как к «чужим» относятся с подозрительностью, которую нельзя развеять никакими нравственными поступками. Внутри сообщества, естественно, одни люди вызывают большее доверие, чем другие, но всерьез поставить под сомнение нравственность человека можно только коллективно, «разоблачив» его и объявив «чужим».

Традиционный моральный субъект мог питать полное доверие к тому, другие люди будут выполнять предписанные нравственные роли, притом совершенно не учитывается, устраивают ли эти практики саму личность, уважают ли они ее достоинство и моральную субъектность. Ценность человеческой личности поддерживается только внутри традиционного сообщества, да и там постоянно происходят конфликты. Как отмечает историк феномена доверия Дж. Хоскинг, «доверие здесь, вероятно, означает не более чем согласие относительно рамок, внутри которых следует улаживать споры, чтобы взаимовыгодные отношения могли продолжаться» [13, с. 67].

Специфика доверия в традиционной нравственности определяется особенностями индивидуального субъекта, который самоопределяется через посредство коллективного субъекта общинного типа. При достаточно четкой

идентификации с группой недоверие могло возникать только в отношении отдельных людей и не превращалось в проблему. В той степени, в которой традиционная нравственность эволюционирует и воспроизводится в составе других систем нравственности, такой тип доверия сохраняет определенную актуальность.

Доверие в современной нравственности (*morality of modernity*) имеет другую природу. А. Селигмен полагает, что вообще феномен доверия возникает в капиталистическую эпоху, когда эгоистический индивид начинает заниматься рыночным обменом. Дж. Хоскинг, написавший книгу «Доверие: История» [13], также доказывает взаимосвязь становления капитализма и специфической разновидности доверия, основанного на рациональном договоре, подразумевающем соблюдение определенных обязательств, без чего невозможно ведение бизнеса. Современные государство и право, нации и даже религии тяготеют именно к такой модели доверия, основанной на теории рационального выбора, на передаче части полномочий другому лицу или органу в расчете на выполнение оговоренных действий. Как люди, так и институты в обществе модерна должны быть *credible* – достойными денежного кредита и морального доверия одновременно. Именно такие модели доверия доминируют в экономических теориях, хотя даже в них указывается, что доверие – самостоятельная ценность, стабилизирующая бизнес, не тождественная рациональному расчету вариантов поведения участников рынка.

Специфика доверия в системе нравственности модерна обеспечивалась характером морального субъекта, который представлял собой автономного индивида, обладающего рациональной мотивацией поведения, системой нравственных принципов и целостным моральным мировоззрением, которое базировалось на представлении об общечеловеческом характере нравственности. Для такого субъекта не менее важно быть достойным доверия, чем самому доверять, заботиться о собственной моральности, а не только проверять ее у других, его нравственной принципиальности можно было целиком доверять.

В современной нравственности (*contemporary morality*) характер доверия определяется глобальным и рисковым характером современного мира, который подвержен непредсказуемым изменениям и, возможно, в целом осуществляет глобальную трансформацию своих оснований. Возможно, развитие доверия как составляющей современного общества должно стать симптомом перехода от капитализма как чисто экономического общества к обществу социальной морали, где основные ресурсы и время тратятся на взаимопомощь и солидарность, где люди заняты не вещами, их производством и потреблением, а нравственным общением друг с другом.

Моральный субъект современной нравственности обладает гипериндивидуальностью, модульной мультигрупповой рефлексивной идентичностью и включен в сеть разнообразных сообществ как коллективных субъектов морали. В таких условиях доверие также стало плюралистичным и предполагает: доверие к членам «своего» сообщества в условиях, когда каждый индивид принадлежит ко множеству сообществ; доверие к «иным» группам, притом что социальные группы формируются по самым различным основаниям; доверие личности к каждому уникальному Другому.

Таким образом, специфика морального доверия состоит в его предмете: оно является доверием к нравственным качествам другого человека, к его моральной субъектности, к осуществимости моральной регуляции в принципе. Кроме

того, моральное доверие – не гносеологический, а аксиологический феномен, нравственная ценность, разрушение которой суть предательство. Моральное доверие авансируется, предполагает взаимность, но не рассчитывает на него, чем отличается от договорных форм социального обмена. Как феномен общественной морали доверие подразумевает нравственное одобрение социальных институтов, в функционировании которых воплощены определенные моральные ценности.

В традиционной нравственности моральный субъект безусловно доверяет только нравственности «своей» социальной группы. Автономный моральный субъект эпохи модерна заботится о том, чтобы быть достойным доверия, и сам проявляет его по рациональным основаниям. В современной же нравственности при сетевом взаимодействии модульных моральных субъектов доверие приобретает плюралистичный характер.

Статус морального доверия как этической категории определяется ее связью с субъектом морали и теми нравственными задачами, которые решает данный субъект, проявляя доверие.

Список использованных источников

1. *Луман, Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман; пер. с нем. – СПб.: Наука, 2007. – 644 с.
2. *Селигмен, А.* Проблема доверия / А. Селигмен; пер. с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 200 с.
3. *Фукуяма, Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма; пер. с англ. – М.: АСТ; Ермак, 2004. – 730 с.
4. *Штомпка, П.* Доверие – основа общества / П. Штомпка; пер. Н. В. Морозовой, под ред. Е. В. Комаровой. – М.: Логос, 2016. – 440 с.
5. *Давыденко, В. А.* «Светлые» и «темные» стороны доверия: анализ идей участников мирового научного форума «Trust» (Токио, 18–20 ноября 2017 г.) / В. А. Давыденко, Е. В. Андрианова, Д. В. Лазутина // Вестник Тюменского гос. ун-та. – Социально-экономические и правовые исслед. – 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 28–75.
6. *Бауман, З.* Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ. под ред. и с предисл. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – LXIV, 325 с.
7. *Гидденс, Э.* Последствия современности / Э. Гидденс; пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича; вступ. ст. Т. А. Дмитриева. – М.: Праксис, 2011. – 343 с.
8. *Пороховская, Т. И.* Доверие как моральный феномен / Т. И. Пороховская // Уч. зап. Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. – Философия. Политология. Культурология. – 2018. – Т. 4 (70). – № 1. – С. 56–64.
9. *Перов, В. Ю.* Проблемы морального доверия / В. Ю. Перов, П. А. Тазенкова // Дискурсы этики. – 2012. – № 1. – С. 152–170.
10. *Доверие //* Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. – 6-е изд. – М.: Политиздат, 1989. – 488 с.
11. *Шушпанов, С. С.* Доверие и справедливость: зависимость формирования представлений о справедливости от общественного доверия / С. С. Шушпанов // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 3 (88). – С. 9–13.
12. *Брокгауз, Ф. А.* Доверие / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон // Новый энциклопедический словарь. – СПб., 1900. – Т. 16. – С. 455–456.
13. *Хоскинг, Дж.* Доверие: История / Дж. Хоскинг; пер. с англ. П. С. Бавина [и др.]. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 296 с.

(Дата подачи: 18.02.2021 г.)